

УДК 398(512.1)
DOI 10.25587/g6675-8827-3161-e

М. Х. Идельбаев, З. Г. Мурзагулова
Башкирский государственный университет

ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ТЮРКО-БУДДИЙСКИХ И ТЮРКО-ИСЛАМСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Аннотация. Статья является одной из первых работ в башкирском литературоведении, посвященных данной проблеме, что указывает на ее новизну и актуальность. Цель нашего исследования – раскрытие на примере древней общетюркской литературы духовного единства всех тюркоязычных народов, издревле населявших обширную территорию Евразии. Считаем, что ее можно достичь в сравнительном рассмотрении поэтики художественной словесности буддийских и исламских тюрков. Для этого нами были выбраны использующиеся иногда и в литературоведении историко-генетический и сравнительно-сопоставительный методы филологических исследований, т. к. корни созданных в древности обеих названных групп сочинений являются общими, а не типологическими.

В статье рассматривается влияние тюрко-буддийской литературы на развитие литературы тюркских народов. Исследуются памятники словесности восточных и среднеазиатских тюркских авторов. Подробно анализируется идейно-эстетическое содержание тюркских письменных сочинений «Алтын Ярук» («Золотой блеск»): легенд о Кыу-тау, о принце и голодной тигрице. Поэтические и композиционные особенности данных произведений изучаются с позиции концепций буддийской религии. Восточные тюрко-буддийские шедевры переведены с китайского, тохарского и тибетского языков. В них, в основном, прослеживаются идеи направления махаяны буддизма. В тюрко-буддийских текстах народов восточного каганата Тюркской империи идеи буддизма переплетены с мотивами местного языческого фольклора. Идеи, мотивы, образы тюрко-буддийской литературы глубоко проникают и в мусульманскую литературу народов Средней Азии и Урало-Поволжья. Труды по астрономии, медицине, математике, философии буддийских ученых и труды дидактического характера были переведены на арабский и персидский языки. Они дали толчок развитию мусульманской научной и художественной, назидательной литературы. А через арабо-персидские литературные традиции буддийские сочинения распространились среди тюркских народов Средней Азии и Урало-Поволжья.

В тюркской мусульманской литературе традиции буддийской религиозной литературы отражались в мотивах сюжета, композиции, идеи-проблематике, в способах передачи психологического состояния героев. В буддийских сочинениях показывается процесс духовного развития героев, который прослеживается и в исламских религиозных сочинениях, в частности в изображении образов пророков, святых в произведениях персидских авторов Фирдоуси, Табари, Ансари и тюркского автора Кул Гали. Поэтические традиции индийских буддийских сочинений можно наблюдать в суфийских трактатах в способах передачи тонких сложных психологических состояний духовных искателей. Для этих целей и буддийские, и суфийские поэты использовали такие художественные приемы как метафора, аллегория и символизм.

Ключевые слова: тюркская письменность; религиозная литература; буддизм; художественность; образ; идея; концепция; сюжет; композиция; каган.

ИДЕЛЬБАЕВ Мирас Хамзович – д. филол. н., проф., г. н. с. Научно-исследовательского центра Башкирского государственного университета, Уфа, Россия.

E-mail: mirasidel@mail.ru

IDELBAEV Miras Khamzovich – Doctor of Philological Sciences, Prof. of the Department of Bashkir Literature, Folklore and Culture, Bashkir State University, Ufa, Russia.

E-mail: mirasidel@mail.ru

МУРЗАГУЛОВА Закия Галимьяновна – к. филол. н., доц. каф. башкирской литературы, фольклора и культуры Башкирского государственного университета, Уфа, Россия.

E-mail: z-galim@dk.ru.

MURZAGULOVA Zakiya Galimyanovna – Candidate of Philological Sciences, Asst. Prof. of the Department of Bashkir Literature, Folklore and Culture, Bashkir State University, Ufa, Russia.

E-mail: z-galim@dk.ru

M. Kh. Idelbaev, Z. G. Murzagulova

Interconnection and interference of Turko-Buddhist and Turko-Islamic literary monuments of the Middle Ages

Abstract. This article can be perceived as one of the first works devoted to this issue in Bashkir literary studies, which indicates its novelty and relevance. The purpose of our research is to reveal the spiritual unity of common Turkic-speaking nations who have inhabited the vast territory of Eurasia since ancient times, using the example of the ancient common Turkic literature. We consider that it can be achieved in a comparative research of the poetics of the literature of the Buddhist and Islamic Turks. For this purpose, we chose the historical-genetic and comparatively comparable methods of philological researches that origins of two named groups of works are common and not typological, what were created in antiquity.

The article deals with the problematic idea and artistic features of the Turkic-Buddhist works of the Middle Ages. The ideological and aesthetic content of the Turkic written monuments *Golden shine*, *Hikat about a hungry tigress* is investigated. The poetic and compositional features of these works are analyzed from the standpoint of the concepts of Buddhist religion. The article examines the influence of Buddhist literature on the development of the literature of the Turkic peoples. The works of Eastern and Central Asian Turkic authors are considered in the article. The ideological and aesthetic content of the Turkic written monuments *Golden Shine*, *The legend about a hungry tigress* is analyzed in detail. The poetic and compositional features of these works are studied from the perspective of the concepts of Buddhist religion. Eastern Turkic Buddhist works have been translated from Chinese, Tocharian and Tibetan languages. They mainly traced the ideas of the Buddhist direction of Mahayana. In the Buddhist works of the peoples of the Eastern Khaganate of the Turkic Empire, the ideas of Buddhism are intertwined with the motifs of local pagan folklore. Ideas, motifs, images of Buddhist literature penetrate deeply into the Muslim literature of the peoples of Central Asia. Works on astronomy, medicine, mathematics, philosophy of Buddhist scholars and works of a didactic nature have been translated into Arabic and Persian. They served as a driving force in the development of Muslim scientific and artistic, edifying literature. And through the Arab-Persian literature, the traditions of Buddhist writings spread among the Turkic peoples of Central Asia and the Ural-Volga region.

In the artistic Turkic Muslim literature, the traditions of Buddhist religious literature were reflected in the motifs of the plot, composition, ideas-problems, in the ways of conveying the psychological state of the characters. Buddhist writings colorfully depict the process of spiritual development of the characters. These properties can also be traced in Islamic religious writings. We can see this in the depiction of the images of the prophets and saints in the works of the Persian authors Firdousi, Tabari, Ansari and the Turkic author Kul Gali. The poetic traditions of Indian Buddhist writings can be observed in Sufi treatises in ways of conveying the subtle complex psychological states of spiritual seekers. For such purposes, both Buddhist and Sufi poets used such artistic techniques as metaphor, allegory, and symbolism.

Keywords: Turkic writing; religious literature; Buddhism; artistry; image; idea; concept; plot; composition; kagan.

Введение

Знакомство тюркских народов с буддийской религией произошло ещё в древние времена. «Из тюркских народов первыми буддизм приняли тюркские шахи. С середины III до начала IV в. н. э. они правили северо-западной Индией, после чего перебрались на западные территории современного центрального Афганистана, а с течением времени, вплоть до середины IX в. – на центральную, а позже и северную части Пакистана. У своих предшественников на этой земле – кушанов и белых гуннов – они унаследовали смесь хинаянского и махаянского буддизма и оказывали покровительство большому монастырскому центру обучения, построенным на этой территории до них» [1, с. 15].

В тюркском каганате по инициативе Мухан-кагана (553–572) предпринимаются первые шаги по легализации буддизма. А во времена правления Таспар-кагана совершаются определенные действия, способствующие укреплению буддийской религии в данном государстве, некоторые труды Будды переводятся на тюркские языки. Буддизм у тюрков сопрягался тогда с элементами местного шаманизма и язычества [2, с. 353]. Согласно данным археологических исследований, на территории современных государств Восточного Туркестана и Кыргызстана было найдено более пятидесяти буддийских храмов. В связи с тем, что эти храмы нуждались

в религиозной литературе, многочисленные тексты, относящиеся к буддизму, были переведены на тюркский язык.

Неподдельный интерес к интерпретированным или переведенным на древнеуйгурский язык памятникам буддийского содержания начался в конце XIX – начале XX столетий. Начало ему заложили ученые с мировыми именами В. В. Бартольд [3, с. 42–46], А. Н. Бернштам [4, с. 61–84], С. Е. Малов [5], С. Ф. Ольденбург [6, с. 25–30], В. В. Радлов [7, с. 14–16]. К настоящему времени их начинания продолжают несколько десятков исследователей. Среди них – Г. Г. Дюмулен [8, с. 39–52], А. Н. Игнатович [9, с. 151–159], В. М. Насипов [10], Е. А. Торчинов [11]. Названные авторы большое внимание обращали на переводческую деятельность древних уйгуров, на публикации текстов и на языковую природу памятников. Но все же исследований, посвященных анализу явлений взаимопроникновения в тюрко-буддийских и тюрко-исламских сочинениях, крайне мало. Из трудов последних десятилетий вызывают интерес публикации А. Берзина [12] и Э. Р. Тенищева [13, с. 35–46]. Даже в «Историях...» башкирской и татарской литератур, созданных в конце XX в., наиболее значительный памятник древнеуйгурского письма «Алтун ярук» упоминается лишь по одному разу. В первом случае говорится, что «Книга о Чингизе», созданная башкирами в XVII столетии, «восходит к древним мифам монголов, к “Сокровенному сказанию” и “Золотому блеску” (“Алтун яруку”）」 [14, с. 150]. А татарские литературоведы ведут речь о созвучных словах из сутры «Алтун Ярук» и общетюркских рукописях XI в. [15, с. 173].

В этом плане настоящую статью можно воспринимать как одну из первых работ, посвященных данной проблеме, что указывает на ее новизну и актуальность.

Цель нашего исследования – раскрытие на примере древней общетюркской литературы духовного единства всех тюркоязычных народов, издревле населявших обширную территорию Евразии. Считаем, что ее можно достичь в сравнительном рассмотрении поэтики художественной словесности буддийских и исламских тюрков. Для этого нами были выбраны использующиеся иногда в литературоведении историко-генетический и сравнительно-сопоставительный методы филологических исследований, т. к. корни созданных в древности обеих названных групп сочинений являются общими, а не типологическими.

Традиции тюрко-буддийской литературы в поэтике тюрко-исламских памятников Средневековья

Тюркоязычные переводные письменные памятники, относящиеся к буддизму, состоят из *хикаятов* (литературный жанр, сюжет которого опирается на историческую легенду), легенд, посвященных Будде, образцов бесед Будды со своими учениками и текстов, раскрывающих различные тонкие стороны буддизма.

Самые древние творения Будды, переведенные на тюркский, это – «Нирвана сутра» (VI в.) и «Майтреясимит» (VII в.). В первом из них находят отражение концепции буддизма начального периода. Данное идейное направление называется в буддизме учением махаяны. Слово «нирвана» в переводе с санскрита означает «угасание», «статика». Нирваной в буддизме называют избавление от сансары (многократной реинкарнации души на земле) [8, с. 39–52].

В буддизме, развивавшемся в уйгуро-тюркской среде, учение махаяны, в котором на первый план выдвигались идеи нирваны, широкого распространения не получило. Возникшее же позднее учение махаяны (с санскрита «большое колесо»), напротив, становится очень популярным. Махаяна представляет собой одно из направлений учения буддизма, дополненное учениками Будды [8, с. 8]. В его основе лежат идеи не только о том, как достичь уровня Будды, но и о том, как, уподобившись ему в результате духовного развития, встать на путь спасения всего живого на земле от страданий. На тюркской почве создается множество литературных произведений, в которых через образы будды Амитабха, бодхисаттв (последователей буддизма или духовников, достигших его высшего уровня) Манджушри, Майтреи пропагандируются идеи махаяны.

«Майтреясимит» посвящен раскрытию идей махаяны, освещению образа святого Майтреи. Образы будд, бодхисаттв, адаптировавшись со временем к интересам и духовным запросам местного народа, хорошо прижились в уйгуро-тюркской литературе [1, с. 18].

Одним из объемных тюрко-уйгурских письменных сочинений, относящихся к буддизму, является хикаят «Алтун ярук». В нем повествуется о том, как жестокий, злой правитель по имени

Кйу-тау приказывает устроить на свадьбу своей дочери невиданное пиршество с использованием огромного количества мяса птицы и домашнего скота. Затем правитель сильно заболевает, и во время пребывания в бесспамятстве его душа совершает путешествие в иной мир. Когда лежащего без сознания Кйу-тау на четвертый день, приняв за мертвого, собираются похоронить, он внезапно приходит в себя, вскакивает с постели и просит принести ему еды. Собрав вокруг себя своих моментально побледневших слуг, правитель рассказывает им подробно о своем поучительном путешествии, совершенном во время сна. Оказывается, когда мужчина болел, к нему явились четыре *иблуса* (саганы, дьявола). У одного в руке был кнут, у второго – аркан, у третьего – клещи. Четвертый – тот, что был в одежде голубого цвета и сидел на коне, будто бы был у них главарем. Он вытащил из-за пазухи какую-то бумагу и начал читать. Это была грамота, она содержала в себе горестные жалобы птиц и представителей домашнего скота, убитых Кйу-тауом ради роскошного пиршества. Озвучив ее содержание, иблусы очень сильно избивают и терзают Кйу-тауа. Несчастливого правителя, который, не выдержав пыток, молит о пощаде, приводят к Эрклиг-хану. Этот хан дает понять Кйу-тау, что тот избежит от наказания, только если перепишет главную среди книг, передающих учение Будды, – блестящую золотую книгу. Хикаят заканчивается описанием того, что рассказ Кйу-тау произвел большое впечатление на слушателей, и сотни людей воодушевились идеей переписать золотую книгу [5, с. 166].

В этом сочинении находят отражение идеи направления махаяны буддизма. Например, в буддизме считается большим грехом убийство и притеснение любых живых существ на земле. Согласно концепции сансары, душа перерождается на этой земле многократно и может принимать различные виды – от примитивных форм жизни, от облика птиц, животных и, по мере развития, до человеческого образа. Избавиться от этого бесконечного круговорота перерождений и страданий можно путем очищения души от грехов, проявления милосердия и совершения добрых дел. В хикайте «Алтун ярук» эти идеи раскрываются через увлекательный, приключенческий и в то же время поучительный сюжет. Большое место в нем уделяется диалогам. Диалог Кйу-тау с ханом Эрклигом напоминает беседы Будды со своими слушателями. С эмоциональной стороны в диалогах присутствует элемент напряженности. Душевное раскаяние Кйу-тау, осознавшего свои грехи, и принятие им священного пути – все это отражается в мастерски переданных психических переживаниях героя. Этот хикаят, написанный на древнетюркском языке, надо полагать, был создан под влиянием очень популярного в Китае памятника «Сутра золотого света». Указанный сборник сутр был шесть раз переведен на китайский язык и превратился в сборник основных канонов китайского буддизма. Он получил широкое распространение и у японцев под названием «Конкомё-ке» («Сутра золотого света») [9].

«Хикаят о голодной тигрице» по своему идейно-эстетическому содержанию и уровню художественности близок к творению «Алтун Ярук». Он также написан в прозаической форме. Его идейная проблематика направлена на раскрытие буддийской концепции сансары. В легенде повествуется о том, как двое сыновей правителя выходят с семьей отдохнуть на природу. Но перед их глазами встает ужасающая картина: обессиленная от голода тигрица была готова пожирать собственных детей. На сыновей правителя это явление производит самое удручающее впечатление [5, с. 165].

В композиционном плане текст построен гармонично, изображение событий развивается последовательно. Герои хикаята – Магаради хан и трое его прекрасных сыновей. Каждый образ служит в нем выражению определенного идейно-эстетического смысла. Через поступки, действия и речи персонажей отражаются различные уровни духовного развития в соответствии с принципами буддизма. Скажем, Магаради хан – правитель, вызывающий у народа страх и уважение. Во время своего правления он погубил и казнил много людей, нажил много добра, укрепил состояние страны, старался хранить верность народным обычаям и нравам, править справедливо. В нем воплощен образ грешного представителя человеческого рода, целиком зависимого от земных порядков и материальной жизни. Но его старшему и среднему сыновьям Магабали и Магадиви свойственна добросердечность. Их души чисты, ради доброго дела они готовы отказаться от всего своего богатства. Однако по причине привязанности и любви к близким, сыновья не могут отречься от них. А самый младший из сыновей представлен в образе будхисаттвы Магастиви. Он изображен в качестве святого человека, который ради спасения

страдающих живых существ готов пожертвовать даже собственной жизнью. О том, как Магастиви, отстав от старших братьев, обрекает себя на съедение голодной тигрицей, повествуется с высоким пафосом. Его исполненный высокими идеями предсмертный монолог и описание землетрясения после самопожертвования и того, как с неба на землю выпадают цветки лотоса, служат художественными средствами, усиливающими пафос.

Сюжеты и образы легенды о голодной тигрице наполнены символическим смыслом. Художественный текст представляет собой образное отражение учения буддизма. Сон матери, образ матери-тигрицы, цветок лотоса – все это выполняет функцию художественных символических деталей. Посредством использования трагико-драматического сюжета отрицается связь людей с земной, материальной жизнью, друг с другом и со своими перерожденными физическими оболочками.

В целом, тюрко-буддийские словесные памятники содержат призыв встать на путь духовного развития, соответствующий канонам буддизма, и, достигнув высокого уровня, посвятить себя бескорыстной цели по улучшению жизни тех, кто находится ступенями ниже.

Художественные, сюжетные традиции тюрко-буддийских сочинений проникли в поэтику некоторых тюрко-мусульманских древних и средневековых памятников. В полном названии авторизованного перевода на уйгурский язык «Алтун Ярук» именован «хан-книгой» среди ряда сочинений буддийского содержания – «Сияющая золотым блеском, над всеми превознесенная хан-книга». Она, как главная из заимствованных или переведенных из буддийских источников книг, оказывала огромное влияние на древние и средневековые памятники тюрко-исламского содержания. Можно сказать, даже ее название послужило примером для авторов книг для придания своим творениям некой обособленности, начиная с заглавия. «Ырк битиг» («Гадательная книга»), к примеру, считался священной книгой, «Диван лугат-ит тюрк» Махмуда Кашгари – «Памятником на все времена» («Мәңгелек йәдкәр»), «Калила и Димна» – памяткой для правителей на все случаи жизни и др.

С возникновением ислама, спустя почти одиннадцать столетий со времени основания главных духовных учений буддой Сиддхартху Гаутаму (буддой Шакьмуни), в тюркском мире заметно оживилась литература как светского, так и религиозно-дидактического и археографического содержания; и, видимо, каждый автор стремился выставить свое детище первым среди главных. В ряде из них легко можно обнаружить следы «хан-книги». На наш взгляд, к тюрко-буддийским памятникам наиболее близка книга «Ырк битиг», написанная в IX в. руническим письмом. Она была обнаружена в 1907 г. английским ученым А. Стейнем на Тибете, в пещере «Магара тысячи будд». В книге в нескольких миниатюрных разделах (притчах, параграфах) упоминается имя Эрклиг-хана, который занимает одно из центральных мест в первой легенде из «Алтун ярук». Эрклиг является почти нарицательным персонажем древних монгольских сказаний, мифологии алтайских, южно-сибирских тюрков. Согласно сказаниям, он сначала обитал на небесах, на земле, а затем и в подземелье. Совершал грехи, затем совершенствовался, причем до такой степени, что среди людей считался если не богом, то его посланником или Сыном Божиим. Кйу-тау встречался с ним в подземелье, когда он был известен как Бог смерти и справедливого судьи. В 12-й притче «Ырк битиг» говорится: «Муж пошел на охоту. На горе совершил жертвоприношение Эрклигу из богов. Такое предсказание, надо полагать, не счастливое» [16, с. 48]. Каждая из 66-и притч в этой книге завершается оценкой поступков героев лишь фразами: «хорошо», «счастливо» или «несчастливо», «плохо». На тот момент Эрклиг находился в состоянии «падшего», поэтому поступок мужчины воспринимался людьми как «дурной». В одном сюжете воинам, отправившимся в поход, об их грядущей победе народу извещает посланник Эрклига, и притча завершается словами: «Такое предсказание считается очень счастливым!» (55-я притча) [16, с. 63]. Третье появление его имени – в 66-м, последнем разделе книги. Это не притча, а концовка; ее можно считать колофоном, поскольку в ней автор в двух-трех словах сообщает скупые сведения о книге. Здесь Эрклиг-хан выступает «в формуле, определяющей судьбы людей» [16, с. 65]. В переводе на русский язык последних двух параграфов имя Эрклига заменено словами «прорицатель», «послушник».

В «Алтун Ярук» жизнь и взаимоотношения персонажей протекают в тесном контакте с миром животных; а в «Ырк битиг» – еще выразительнее с миром птиц, насекомых и живой

природой. Подобное художественное явление указывает на причастность сочинения к более ранним источникам, связанным с тенгрианством. В данном случае об «Ырк битиг» мы ведем речь не как о продолжателе традиций «Алтун ярук»; этого не может быть, т. к. он был создан на столетие раньше последнего. Влияние мог оказать один из оригиналов, с каких языков был заимствован «Алтун ярук». Японский и хинди – маловероятно. А китайский и тибетский – вполне возможно: как известно, восточно-сибирские и алтайские тюрки издревле находились с носителями этих языков в самом тесном контакте. Однако лишь выявленными выше наблюдениями близость данных двух памятников между собой не ограничивается. Почти из каждой притчи «Ырк битиг» по идейной тематике и другим художественным канонам веет духом буддийской литературы. При тщательном изучении можно было бы посвятить им отдельную статью.

Поразительные сходства в судьбах героев, событий и идейной направленности с легендой о Кйу-тау обнаруживаются в поэме Хусам Кятиба «Джумжума Султан» (XIV в.). Жизнь героя поэмы Джумжума во многом повторяет судьбу Кйу-тау. Джумжума Султан, которого весь мир признавал, как могущественного и справедливого правителя, обладал несметными сокровищами, знал многие науки, отличался щедростью, скромным человеческим характером, красивой внешностью. Однажды во время веселого застолья к султану явился некий бедный странник и попросил выслушать его. Но султану было тогда не до него. Нищего грубо выставили за порог. Вскоре после этого Джумжума заболел неизлечимой болезнью и умер. На том свете его провели по семи кругам ада и, наконец, учитывая сотворенные им при жизни немалые добрые дела, освободили от мучений. В результате адских пыток от него остался один череп и, до случайной встречи с пророком Иса, он семьдесят лет пролежал на земле у какой-то воды. Пророк вернул ему жизнь и человеческое обличье. После этого Султан всю оставшуюся жизнь решил заново посвятить духовному совершенствованию, но прежде на том же месте в течение семидесяти лет молился и благодарил пророка. В финале поэмы «Джумжума Султан» автор обращается к читателям: «Вот, люди, урок немаловажный: что посеет, то и пожнет каждый» [17, с. 42]. Вспомним, точно так же Кйу-тау, глубоко осознав бывшие грехи, дальнейшую свою миссию видел в достижении духовного совершенства. Вдобавок, к этому благословил его сам Эрклиг хан: «[Теперь] ты живых не умертвляй, не порабощай себя мирскими благами, не делай злых дел, твори и создавай корабль и мост добрых деяний» [5, с. 160].

Созвучные мотивы тюрко-буддийских памятников мы можем найти и в священной книге мусульман «Коран». Например, основная канва событий из суры «Ас-Саффат» тесно перекликается с мотивом «Легенды о принце и голодной тигрице». В ней Магаст-царевич, младший сын князя-правителя, перед тем, как пожертвовать себя тигрице, размышлял: «Я теперь ради всех живых существ, поверженных цепи причинностей, это мое очень любимое и дружелюбное тело я отстраняю и бросаю, я твердо и без колебаний возбуждаю в [себе] сильное жалостливое чувство и желаю бурханского (буддийского – *М. И.*) блаженства всем мудрым, чтобы любимые и уважаемые в трех видах миров и в мучительном море [жизни] находящиеся живые существа вытащить вверх и спасти и сделать [их] спокойными и радостными» [5, с. 183]. С такой мечтой, ради спасения тигрицы от голода, Магаст умерщвлял себя поразительно фанатично и хладнокровно. Сначала лег перед тигрицей, но она, обессилевшая, не торопилась есть его. Тогда принц поднялся на высокую гору и бросился вниз. Оставшись в живых, проколол горло засохшим крепким камышом и выпустил кровь. Только тогда тигрица стала лизать его кровь и съела все тело. С возвращением домой старшего и среднего сыновей родителям стало известно, что любимого их младшего сына нет в живых. В легенде с глубоким драматизмом рисуются страдания отца и матери от потери сына. Подобный мотив присутствует в ряде тюрко-исламских памятников эпического плана («Книга моего деда Коркута», «Бахтиярنامه» и др.).

В суре «Ас-Саффат» Корана пророк Ибрагим видит сон и дает знать своему сыну Исагилу: «Сынок мой, вижу во сне, что я закалываю тебя». Тот, не задумываясь, отвечает: «Отец мой, делай, что тебе приказано, ты найдешь меня, если пожелает Аллах терпеливым». Здесь мы видим, Исагил, сын Ибрагима, как Магаст в буддийской легенде, был готов принести себя в жертву ради счастья других. Но в суре ситуация решается благополучно – Аллах оценивает верность пророка к Нему и от благодарности отменяет приведение в жертву Исагила [18, с. 368].

А также главный герой суры пророк Ибрагим, как и Будда, отрекается от престола и уходит в отшельничество.

Многие эпические сюжеты из Корана позднее перекочевали в сферу средневековой тюркоязычной литературы и стали бытовать как самостоятельные сочинения. Особенно рассказы или целые книги о пророках. В ряде изданий агиографического содержания можно найти мотив 37-й суры «Ас-Саффат». Наиболее известное из них – «История пророков» Насретдина Рабгузи.

Идейно-эстетические, поэтические традиции буддийской литературы глубже и шире проникают в тюркскую литературу через арабо-персидские дидактические и исторические сочинения. В средних веках мусульманские писатели и ученые проявляли активный интерес к буддизму. Например, в сочинениях Омейядского арабского писателя Омара ибн аль-Азрак аль-Кермани (VIII вв.) разъясняется буддизм исламской аудитории. В его сочинениях подробно описывается монастырь Нава-Вихара в Балхе основные буддийские обычаи, которые в нём соблюдались. А историк X в. Ибн аль-Факих аль-Хамадани внес тексты из сочинений аль-Кермани в свой труд «Китаб ал-булдан».

Во второй половине VIII в. в период правления Аббасидского халифата халиф аль-Махди, а затем и халиф аль-Рашид, пригласили в Багдад буддийских учёных из Индии и монастыря Нава-Вихара в Балхе. Здесь буддийские ученые перевели на арабский язык санскритские тексты по медицине и астрономии. А также известно, что в Багдаде была переведена на арабский язык и «Книга Будды» («Китаб ал-Будд»), где излагаются прошлые жизни Будды. Данная книга написана на основе санскритских текстов: «Джатакамала» («Чётких изложений предыдущих жизней») и «Буддхачарита Ашвагхоши»), «Деяния Будды».

Сотрудничество мусульманских правителей с индийскими буддийскими учеными было очень плодотворным – арабы, персы и турки перенимали у них любовь к точным наукам и образованию. Например, в тюркской научной среде появились солидные труды по медицине и фармакологии. В восточной мусульманской культурной среде были широко известны имена некоторых тюркских ученых Волжской Булгарии. Бурханетдин аль-Булгари написал труды по фармакологии, Тажетдин ибн Юнус аль-Булгари являлся автором авторитетного труда своего времени по фармакологии «Лучшие лекарства от отравления». Суфии в своих духовных практиках в определенной степени развивали мировоззренческие традиции буддизма. Например, для последователей суфизма, как и для буддистов, самосовершенствование, просвещение является важным составляющим духовных практик.

В художественной тюркской мусульманской литературе традиции буддийской религиозной литературы отражались в различных формах: в мотивах сюжета, композиционных строениях, идеи-проблематике, в способах передачи психологического состояния героев. Например, в буддийских *джатаках* (истории о перерождении Будды) использованы сильные психологические приемы при изображении поведений бодхисаттв. Герои-бодхисаттвы в джатаках должны были преодолеть в себе такие эмоции как гнев, ненависть; бороться со своими отрицательными чертами характера как жадность и горделивость. В джатаках бодхисаттвы при решении проблем успешно используют ум, находчивость и, таким образом, герои достойно проходят через испытания.

В буддийских биографических историях красочно изображаются процесс духовного развития, история самосовершенствования сильных личностей. В них тонко описываются внутренние психологические состояния духовного искателя, а также определенный акцент делается на изображение его физиологического совершенства. Например, в буддийских рассказах Будда выступает как идеал совершенного человека, он – Великий человек (махапуриса).

Идея духовного и физического совершенства была популярной и в исламской суфийской литературе. Мы это видим в изображении образа пророка Юсуфа в произведениях персидских авторов Фирдоуси, Табари, Ансари и тюркского автора Кул Гали. Образ идеального просвещенного, красивого мужчины пропагандируется в поэме «Хибат аль-хакаик» Ахмета Югнаки и «Котадгу билик» Юсуфа Баласагуни.

Традиции индийских буддийских сочинений можно наблюдать в суфийских трактатах в способах передачи тонких сложных психологических состояний духовных искателей. Для таких целей и буддийские, и суфийские поэты использовали такие художественные приемы как

метафора, аллегория и символизм. К сказанному будут ярким примером дастаны персидского писателя Саади «Гулистан», «Бостан» и поэтический перевод его «Гулистана» на тюркский язык Саифом Сараи.

Популярный герой буддийских легенд – это Ашока. Он является образцом идеального правителя. Ему характерны такие качества, как щедрость, самопожертвование, доброта, самоконтроль, непринятие гнева, насилия; терпение и соблюдение морально-этических норм, праведности. Все вышеперечисленные черты идеальных героев буддийских сочинений, способы их изображения нашли отражение в исламской литературе. Например, проблема идеального правителя в поэме «Котадгу билик» Юсуфа Баласагуни решается в ключе буддийских историй. В «Котадгу билик» правители, чиновники Кюндугды, Айтолды, Огдюлмиш – люди образованные, мудрые, честные, добрые, снисходительные. Благодаря деятельности мудрых правителей, государство процветает. Аналогично решается проблема справедливого и мудрого царя в *киссе* (эпический жанр в литературе и фольклоре) тюркского поэта болгарского периода Кул Гали «Юсуф и Зулейха». Образ Юсуфа созвучен с образом буддийского царя Ашока. В произведении Юсуфа Баласагуни мы так же наблюдаем развитие традиционного конфликта «отшельник и общество», свойственного буддийской литературе. Он проявляется в выборе личностью своего жизненного пути. Этот психологический момент иллюстративно показан в остром диалоге персонажей «Котадгу билик» Огдюлмиша и Одгурмышша. В полемике Кюнтюгды и Огдюлмиш с Одгурмышшем, когда противопоставляются две концепции в жизненном пути: применение ума и мудрости во благо общества, государства, с одной стороны и отрешение от мирских забот в целях поиска бога – с другой. В письмах Кюнтюгды критикуется отшельничество:

Лишь пост и молитву блюдешь ты обетом.
Себя лишь ты тешишь постом и мольбой,
Бездушен, кто занят одним лишь собою [19, с. 228].

В полемике с правителем Одгурмышш защищает свою позицию:

Внемли четырем моим просьбам, елик,
С покорной мольбою к тебе я приник:
Бессмертье мне дай, вечных лет благодать
Дай вечно быть юным, старенье не знать
... А если не властен ты мне poradеть
То чем же сильнее меня ты? – ответь [19, с. 228].

В буддийских государствах противоречие между отшельниками и обществом, по нашему мнению, всегда стояло остро. Буддийские государственные деятели и общество в том историческом периоде, видимо, не совсем понимали суть мистической деятельности самого Будды и не воспринимали уход исторического Будды от престола в отшельничество. Поэтому в некоторых буддийских мифах Будда остается среди людей и служит человечеству. Появились новые образы бодхисаттв, олицетворяющих справедливого и мудрого правителя. Например, образ императора Ашока в буддийских легендах является именно таким героем. Позднее этот мотив был успешно развит и в тюркской литературе. В поэме Баласагуни названный классический идеологический конфликт решается дипломатично. Умный Одгурмышш остается отшельником, но в то же время не оставляет без внимания правителя – в конце произведения он приходит к нему и дает ему свои бесценные советы по правлению государством:

Послушай, что сказано знающим беком,
Всевластным, дела понимающим беком:
О жаждающий беком быть – людям главой!
Ты скромность себе же во благо усвой.
О жаждающий беком быть повелителем властным!
В делах будь с наукой в союзе согласном.
Где знания, там хороши все дела! ... [19, с. 376].

В целом, в истории развития тюркской литературы древних и средних веков буддийская религиозная литература сыграла значимую роль. Влияние буддизма отслеживается и в идеологическом пласте, и в поэтических структурах тюркских произведений. Однако степень и формы влияния традиций буддизма на литературу тюркских народов неравномерны, это связано

с географическим расположением того или иного тюркского государства и его экономическими, культурными контактами с другими странами.

Заключение

Таким образом, целый ряд переведенных на тюркский язык буддийских сочинений дают нам возможность обнаружить генетическую связь с частью древних и средневековых памятников тюрко-исламского происхождения. Переводные тексты достойны внимания по уровню художественности и целостности передачи оригинала. Они сильно влияли на развитие письменной культуры тюркских народов. Благодаря переводным сочинениям, в тюркскую среду проникли идеи, сюжеты, мотивы, художественные приемы и др. поэтические средства, характерные тюрко-буддийской светской и религиозной литературе. Процессы взаимодействия тюрко-буддийской и тюрко-исламской литератур еще недостаточно исследованы, поэтому изучение данной проблемы в настоящее время остается весьма актуальной.

Литература

1. Бартаханова М. А. Переводческая деятельность уйгуров в XI–XII веках // Шестая буддологическая конференция. Тезисы / сост. С. Э. Коротков, Е. А. Торчинов. – Санкт-Петербург : Институт восточных рукописей, 1999. – С. 15.
2. Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье : Этнос, языки, религии. – Москва : Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1992. – 688 с.
3. Бартольд В. В. К вопросу об уйгурской литературе и ее влиянии на монголов // Сочинения. Т. 5 / В. В. Бартольд. – Москва : Наука, 1968. – С. 365–368.
4. Бернштам А. Н. Уйгурские юридические документы // Проблемы источниковедения. Т. 3. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1940. – С. 61–84.
5. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности : тексты и исследования. – Москва : Изд-во АН СССР, 1951. – 451 с.
6. Ольденбург С. Ф. Русские археологические исследования в Восточном Туркестане // Казанский музейный вестник. – 1921. – № 1–2. – С. 25–30.
7. Радлов В. В. Турфанские тексты в лингвистическом отношении // Западно-восточный отдел, XXI. Вып. 1, протоколы. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1922. – С. 14–16.
8. Дюмулен Г. Основы Махаяны // История дзэн-буддизма. Индия и Китай. – Санкт-Петербург : ОРИС, ЯНА-ПРИНТ, 1994. – С. 39–49.
9. Игнатович А. Н. Трактровка «тел» будды в «Сутре золотого света» // Общество и государство в Китае : тезисы докладов XV научной конференции. Т. 1. – Москва : Наука, 1984. – С. 151–159.
10. Насипов В. М. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI–XV вв. – Москва : Наука, 1974. – 102 с.
11. Торчинов Е. А. Буддизм : карманный словарь. – Санкт-Петербург : Амфора, 2002. – 187 с.
12. Берзин А. Взаимодействие ислама и буддизма в Средние века [Электронный ресурс]. URL : http://www.berzinarchives.com/web/ru/archives/study/history_buddhism/buddhism_central_asia/history_afghanistan_buddhism.html (дата обращения : 15.12.2020).
13. Тенищев Э. Р. Тюрко-язычных письменных памятников языка // Языки мира. Тюркские языки. – Москва : ИНДРИК, 1997. – С. 35–46.
14. История башкирской литературы : в 4 т. Т. 1 : С древнейших времен до начала XX в. / гл. ред. М. Х. Надергулов. – Уфа : Китап, 2012. – 560 с.
15. История татарской литературы : в 6 т. Т. 1. Средневековый период / гл. ред. Н. Г. Юзеев. – Казань : Татарское кн. изд-во, 1984. – 566 с. (На татарском яз.).
16. Ырк Битиг. Древнетюркская гадательная книга (Приложение 4) // Бюллетень Общества востоковедов / подг., пер. и предисл. В. М. Яковлева. – Москва : ИВРАН, 2004. – 326 с.
17. Хусам Кятиб. Жумжума султан. – Казань : Иман, 2000. – 85 с. (На тюркском яз.)
18. Коран / пер. на рус. яз. И. Ю. Крачковского. – Москва : ИКПА, 1990. – 512 с.
19. Баласагуни Юсуф хаж Хаджиб. Благодатное знание / предисл. и пер. на рус. яз. С. Н. Иванова. – Москва : Наука, 1983. – 560 с.

References

1. Bartakhanova M. A. Translation activity of the Uighurs in the XI–XII centuries. In: Sixth Buddhist Conference. Abstracts. Comp. S. E. Korotkov, E. A. Torchinov. Saint Petersburg, Institute of Oriental Manuscripts Publ., 1999, 15 p. (In Russ.)
2. Klyashtorny S. G. Monuments of ancient Turkic writing. In: East Turkestan in Antiquity and the Early Middle Ages: Ethnos, languages, religions. Moscow, Nauka Publ., 1992, 688 p. (In Russ.)
3. Bartold V. V. On the question of Uyghur literature and its influence on the Mongols. In: Essays. Vol. 5. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 365–368. (In Russ.)
4. Bernshtam A. N. Uyghur legal documents. In: Problems of source studies. Vol. 3. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1940, pp. 61–84. (In Russ.)
5. Malov S. E. Monuments of ancient Turkic writing: texts and studies. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1951, 451 p. (In Russ.)
6. Oldenburg S. F. Russian archaeological research in East Turkestan. *Kazan Museum Bulletin*. 1921, no. 1–2, pp. 25–30. (In Russ.)
7. Radlov V. V. Turfan texts in linguistic terms. In: West-East Department, XXI. Iss. 1, Protocols. Saint Petersburg, 1922, pp. 14–16. (In Russ.)
8. Dumoulin G. Fundamentals of the Mahayana. In: The history of Zen Buddhism. India and China. Saint Petersburg, ORIS, YANA-PRINT, 1994, pp. 39–49. (In Russ.)
9. Ignatovich A. N. Interpretation of the “bodies” of the Buddha in the “Sutra of the Golden Light”. In: Society and the state in China. Abstracts of the XV Scientific Conference. Vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 151–159. (In Russ.)
10. Nasipov V. M. The language of the Turkic monuments of the Uyghur script of the XI–XV centuries. Moscow, Nauka Publ., 1974, 102 p. (In Russ.)
11. Torchinov E. A. Buddhism: a pocket dictionary. Saint Petersburg, Amphora Publ., 2002, 187 p. (In Russ.)
12. Berzin A. Interaction of Islam and Buddhism in the Middle Ages [Web resource]. URL: http://www.berzinarchives.com/web/ru/archives/study/history_buddhism/buddhism_central_asia/history_afghanistan_buddhism.html (accessed December 15, 2020). (In Russ.)
13. Tenishchev E. R. Languages of the Turkic written monuments. In: Languages of the World. Turkic languages. Moscow, INDRIK Publ., 1997, pp. 35–46. (In Russ.)
14. History of Bashkir literature. In 4 vol. Vol. 1: From ancient times to the beginning of the XX century. Ufa, Kitap Publ., 2012, 560 p. (In Russ.)
15. History of Tatar literature. In 6 vol. Vol. 1: The Medieval period. Kazan, Tatar Book Publ. House, 1984, 566 p. (In Tatar)
16. Irk Bitig. Ancient Turkic fortune-telling book (Appendix no. 4). In: Bulletin of the Society of Oriental Studies. Prep., transl. and preface by V. M. Yakovlev. Moscow, IVRAN Publ., 2004, 326 p. (In Russ.)
17. Husam Qatib. Jumjuma Sultan. Kazan, Iman Publ., 2000, 85 p. (In Turkic)
18. Koran. Transl. by I. Y. Krachkovsky. Moscow, IKPA Publ., 1990, 512 p. (In Russ.)
19. Balasaguni Yusuf haj Hajip. Graceful knowledge. Preface and transl. from turkic into russian by S. N. Ivanov. Moscow, Nauka Publ., 1983, 560 p. (In Russ.)